

Август 1923 г.

Vôtre Eminence!

Письмо священника Антония Малецкого, написанное из московской тюрьмы Могилевскому митрополиту архиепископу монс.<иньору> Э. де Роппу. (Буквальный перевод с польского).

Ваше Высокопреосвященство, достопочтенный Пастырь,

Пользуюсь случаем, чтобы выразить Вашему Высокопреосвященству мое почтение и испросить Вашего благословения в наших столь тяжелых условиях. Не хочу описывать все то, что мы испытываем в душе и в каком расположении духа проводим время в тюрьме. Ваше Высокопреосвященство сам прошел через подобные невзгоды и хорошо знает их воздействие. Однако направляю Вашему Высокопреосвященству одну просьбу от своего имени и от имени моих собратьев. Прошло четыре месяца с последней мессы, которую мы служили. Как велик наш голод по ангельской пище! Каждый из нас хотел бы укрепить свой дух. Вплоть до сегодняшнего дня нас держали с другими 23 людьми в одной тюремной камере. Нельзя было и думать о том, чтобы прочесть чин мессы. В настоящее время мы одни в камере, так что – очень осторожно – можно было бы служить св. мессу. Однако благоразумие обязывает нас действовать следующим образом. Мы могли бы служить ее только с полуночи до пяти утра, пока другие спят. Без священной утвари, более того – одетые в гражданскую одежду, без министрантов – без св. реликвий – без свечей; вместо чаши – стеклянный стакан.

Итак, нам требуется разрешение на это. Если Ваше Высокопреосвященство считает возможным его дать, мы очень сильно просим об этом.

Ваше Высокопреосвященство, несомненно, хорошо осведомлен о нашей судьбе. Могу добавить одно: обстановка, желание трудиться на благо народа, жажда личной свободы – все это, с сожалением говорю я, очень плохо влияет на наши нервы. “*Spiritus promptus, caro vera infirma*”.¹ Однако, что касается меня самого, то мое здоровье весьма улучшилось благодаря хорошему московскому климату и помощи Кне...<нрзб>. Несчастный отец Станислав Эйсмонт повредился в рассудке и сейчас находится в отдельной камере. Его сила и экспансивная природа не смогли сопротивляться тюремным условиям. В данный момент он немного в лучшем состоянии, но врач говорит, что это лишь “периоды просветления”. Мы, остальные, работаем в различных мастерских. Ни моего возраста - 62 года, - ни моего слабого здоровья недостаточно, чтобы освободить меня от работы. Каждый день работа длится с восьми до двенадцати и с часу до пяти вечера. Остаток дня священники, освобожденные от физического труда, проводят, отдыхая на кровати. И так изо дня в день, все время мечтая о каких-нибудь переменах. Мы все предаем в Божьи руки. Несчастный архиепископ Иоанн (Цепляк) остался в Бутырской тюрьме, он один в своей камере, в условиях действительно строгой изоляции. Священник Федоров, отец Ходневич и я также заняты в так называемом культурном секторе тюрьмы. Свящ. Федоров преподает французский, отец Ходневич английский, я немецкий. Кроме того, Федоров и я читали вводные лекции для заключенных: Федоров о модернизме в Католической Церкви, я о принципах воспитания детей и молодежи. Однако нам кажется, что мы можем сказать с полной откровенностью: “*Neque mittatis margaritas ante porcos, ne forte conculcent eas pedibus suis*”.²

Лично меня утешает мысль, что наша тюрьма – это лишь малый крест в сравнении со страданиями нашего Учителя Иисуса Христа, и потому я все предал Божьей воле. “*Fiat voluntas Dei*”.³

¹ Дух бодр, плоть же немощна (лат.) - Мф 26:41 (Прим. перев.)

² Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими (лат.) - Мф 7:6 (Прим. перев.)

³ Да будет воля Божья (лат.)

С огромным нетерпением ожидаем ответа Вашего Высокопреосвященства.
Всем сердцем Ваш смиреннейший слуга

Кс.<ендз> Антоний Малецкий.

AA.EE.SS. Fondo Russia. Pos. 648. Fasc. 33. F. 56rv-57. Ит.яз.